

Менделеев
Театр-кабаре "Менделеевский"

Москва, ноябрь -
1989 - 13 апр. (N33) - с 77

ТЕАТР ВО ВСЕ ВРЕМЕНА ГОДА

По Москве расклеены афиши: нас зазывают на открытие театра-кабаре «Летучая мышь», которое объявляет себя правопреемником знаменитого русского кабаре, вынужденного после революции эмигрировать в Париж и на Бродвеи в Нью-Йорке. Соседний плакат приглашает в Московский театр миниатюр на премьеру «Политического кабаре» Михаила Жванецкого с участием Карцава и Ильченко. Балетный критик Александр Демидов на этой же волне организовал наивиданное в наши северные пенаты предприятие — эротический театр. Там, кто не верит, советуем внимательно взглянуть в афишу: в примечаниях тонко и неназойливо подчеркнуто, что кино- и фотосъемка во время

называет режиссуру Васильева искусством «слабых тонов». Межком определение! В сущности, это можно было бы сказать и в отношении многих иных явлений нового театра. Но такой театр нарождается не в одиночестве, а непременно имеет соответствие в соседних искусствах и гуманитарных науках. Недаром во многих театрах-студиях сплелись в той или иной форме соседствуют с выступлениями филологов и философов, в театральном пространстве выступают художники-авангардисты, звучат новая музыка и стихи. Актеры, поэты, музыканты и живописцы начинают заново создавать единство культуры. Убитый ган русского кабаре, связанный с важнейшими явлениями нашей предре-

уит от злобы страшного дня и окупаться в ночную действительность, кинематографическая жизнь советского, партий, комитетов, союзных, уллицы и Зимнего дворца (так писал Георгий Чулков в очерке «Вчера и сегодня» в августе 1917 года). Сюда мог по старой памяти взглянуть Луначарский и даже выступить с докладом, здесь звучали «Двенадцать» в исполнении Любови Дмитриевны Блок, здесь Николай Евреинов разыгрывал свои научные театральные пьесы, но академичность была, конечно, обречена. Русский театральный авангард, русский языкского аллюризм с рывком в улах рта и тонкой улыбкой вместо смеха завершал свой короткий и, как выяснилось, плодот-

Анатолий СМЕЛЯНСКИЙ

Cabaret? Кабаре!

В театре-кабаре «Летучая мышь»

представления категорически запрещается.

Совсем недавно мне довелось увидеть, как в Перми ребята из нового молодежного театра-студии принудили, вполне в кабаретных традициях, распевали деревенский им мещанствами полуподвал: это, их дом, их жизненное пространство, и они хотят существовать здесь по законам художнического братства. Режиссер Мильграм, ученик Анатолия Васильева, поставил там пьесу Олби «Случай в зоопарке». Актеры играют на носу у зрителя, рампа уничтожена, играют смело, я бы сказал, отважно, с той свободой, которая дается труднее всего. Видно, что они получают наслаждение от игры и от своей работы: в наши дни, согласитесь, это большая редкость!

В подвале на улице Воровского, в Скотертном переулке, в подвале на Чаплина, в разных «Творческих мастерских», в десятках иных клубов и полуподвалов роится крикливая, содержательная, коммерческая и вполне бескорыстная карнавальная жизнь, которая очень мало походит на привычную скуку нормального «театрально-зрелищного предприятия». «Подвал» противостоит не только быту наших больших государственных «дворцов». Тут зарождается и какое-то давным-давно утраченное у нас «кабаретное» качество художественной жизни, еще не разделенной и не разорванной на островки ведомственных спешдмов и клубов. Художники, отпущенные на свободу, стали заниматься тем, к чему призван был кабаретный театр самой своей природой: это действительно искусство сверхлюбопытности, некий метатеатр, способный к беспрепятственному размышлению о самом себе.

Сергей Юрский, блистательный драматический и кабаретный актер, опоздавший родиться на несколько десятилетий, пишет среди прочего в своей последней книге: «Кто держит паузу» о спектакле «Шесть персонажей в поисках автора». Он

волюционной сцене, сознательно или бессознательно, как «память жанра», пытается воскреснуть в новой исторической ситуации. Среди прочих процессов обретения культурной памяти, которые составляют стержень горького советского возрождения, освоение этого пласта театального наследия кажется мне принципиальным.

Поиск идет как бы с двух сторон. Несколько лет назад в «Памятниках культуры» Роман Тименин и Александр Перлис опубликовали превосходный материал, посвященный «Бродячей собаке», легендарному кабаре-родоначальнику, с которым связана творческая биография многих крупнейших людей русского искусства. Совсем недавно эти же авторы в сотрудничестве с А. Коначным и В. Мордереком на страницах тех же «Памятников...» представили результаты культурно-археологических раскопок, произведенных в зоне другого знаменитого петербургского кабаре «Привал комедиантов». Я читал этот увлекательный и в научном плане образцово выполненный сюжет с двойным чувством. Какое изумительное созвездие шутинок, талантов, заворающих и пророческих идей уместилось в небольшом подвальчике на Марсовом поле, расписанном Судейкиным, Григорьевым и Яковлевым. Как бесподобно умели жить и веселиться эти люди, справляя свой пир во время чумы (напомню, что на дворе была война, а на пороге революция). Какое странное и мучительное столкновение тончайшего искусства, занятию самим собой, и разорванной в куски жизни, стремительно приближающейся к пропасти. Самые чудные из них улавливали гул близких тектонических сдвигов и «киевских матежей», но это предчувствие никак не отразилось на художественных принципах артистического братства. «Чья душа печаль унашла, опускается в глубь подвала». И они опускались — и до революции, и во время революции, и несколько лет после нее. В подвал приходили поздним вечером, чтобы

Фото Алексея ФЕДОРОВА

ночной путь. Один, как Борис Пронин или Михаил Кузмин, остался в России, большинство эмигрировало. Формы театральной, равно как и всей прочей художественной жизни постепенно оказывались в костенели, а потом, в начале 30-х, всех рассадил по клеткам «творческих союзов» и приручил. Кабаретная культура достигала свой век на маргарине, как сказал бы Осип Мандельштам, один из участников того высокого веселья.

Сейчас нет недостатка в представлениях. Все живут по разным календарям, во всем ищут совпадений и соответствий: одни полагают, что на дворе апрель семидедадтого, другие — канун гражданского междоусобицы. Дух возрожденного кабаре, вероятно, заключает в себе двойной знак: творческого раскрепощения и одновременно какого-то тяжкого недуга, недомога.

Вакую сторону раскрепощаемся! Р.С. Первого августа с легким волнением я отправился в «Летучую мышь», которая была временное гнездо у ермолочев, на улице Горького. Обещали скитч, театр теней, пародии, цирк, балет, спомом, по полному кабаретному меню. Так и произошло. Уровню смеховой культуры — на подступах к хорошему капитализму 60-х годов. Тень Никиты Хрущева, создателя того кабаре, витает в зале. Знаменитых актеров нет, но есть азарт, грусть, живое остроумие. И есть возможность шутить обо всем. И они шутят: переполненный зал отзывается грохотом. К зрителям летят разноцветные шары, сопровождаемые цирковыми репризами. «Наш народ не спит, не ест, переживает страсть». Слова выкрутятся, перевертываются, дерзает друг друга: «Наш народ не ест, не спит, переживает не СПИД». Кабаретного пространства нет, но есть театральные идеи, кажется, тоже нет, но есть упоение свободным словом и водный жестом. Летят разноцветные шары в зал, а оттуда снова на сцену.

Возрождается кабаре.